

Филатов Сергей Викторович

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»

г. Ростов-на-Дону, Россия

ТРАДИЦИОННАЯ ТРУДОВАЯ МОРАЛЬ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Аннотация: в статье рассматриваются особенности крестьянской традиционной культуры и их влияние на трудовую деятельность крестьян рубежа XIX – XX вв. Делается вывод о влиянии религиозных представлений на экономический быт общины начала XX в.

Ключевые слова: традиционная культура, крестьянская община, трудовая мораль, потребление, моральная экономика.

Традиция как составная часть культуры играет в жизни общества определяющую роль, способствует его равновесию и устойчивости. Передавая и сохраняя опыт предшествующих поколений, традиции могут препятствовать или наоборот способствовать развитию культуры и общества. Время, пропуская через себя накопленный опыт, определяет приоритетные, увековеченные традиции, сохраняет их для будущих поколений и «забывает» подчас устаревшие, сдерживающие поступательное развитие, те, которые не укладываются в современное понятие «прогресса» у отдельных групп населения или общества в целом.

Традиция охватывает широкий круг явлений общественной жизни и в том числе трудовую мораль (экономический менталитет), господствующую в обществе. Трудовая мораль, имея глубокие исторические корни, играет исключительно важную роль в развитии экономического прогресса, роста производительности труда и в конечном итоге влияет на благосостояние населения [5, с.14]. Культурную традицию в России связывали в первую очередь с народной крестьянской культурой, поскольку эта социальная группа составляла большинство

населения, а культура других сословий, относящихся к традиционному типу, имела аналогичный механизм развития.

Существует два типа экономического менталитета. К первому можно отнести так называемый потребительский, традиционный или минималистский. Ко второму буржуазный, современный или максималистский. Согласно первому следует работать до такого экономического уровня, когда удовлетворяются необходимые по содержанию семьи потребности в одежде, жилище, весь доход тратится на потребление и отсутствует стремление к накопительству. Этому типу соответствовала российская заповедь труда: «Подать оплачена, хлеб есть и лежи на печи» [5, с. 67].

В противоположность первому второй тип ориентирует человека на достижение максимально возможного результата, получение высокого дохода, превышающего необходимый уровень потребления, а предпринимателя – на максимальную прибыль в рамках существующих законов. Не случайно в нашу жизнь сегодня вошли устоявшиеся на Западе понятия «упущенная выгода», «неполученный доход». Замедленный переход в нашей стране к максималистскому типу трудовой морали связан, на наш взгляд, с историческими реалиями развития России в новое время, с крестьянским менталитетом. На эволюцию народной культуры в XIX – XX вв. воздействовал ряд факторов, в том числе, появление и утверждение рыночных отношений, новых отношений собственности, технических средств хозяйствования; разрушение сословной замкнутости крестьянского мира; проникновение в деревню грамотности и просвещения [5, с. 31]. Но появление нового не привело к забвению старого и, в том числе, по отношению к труду. Значительным тормозом было частично сохранившееся средневековое представление о труде как о наказании «за грехи» и празднично-православные традиции [5, с. 35].

По подсчетам историков накануне отмены крепостного права при 10-часовом полном рабочем дне из 365 дней в году 225 были нерабочими днями [3, с. 77]. Из них праздников и выходных было 95 дней (26%), а 135 (37%) приходились на неучтенные праздничные и послепраздничные дни, общественные дела,

важные семейные дни, болезни и многое другое, включая и непогоду. При этом количество праздников имело тенденцию к увеличению. Так, если до отмены крепостного права на долю рабочих дней приходилось 38% годового рабочего времени, то после отмены крепостного права в 1872 году число рабочих дней составляло 34%, а в 1902 году – 29%. Соответственно число празднично-выходных дней увеличилось с 26 до 29 и 34 процентов [5, с. 81].

Вес празднично-воскресные дни в России разделялись на три группы: 1) воскресенья (в каждом году – 52–53); 2) официальные государственные и церковные праздники (в начале XX века – 32 дня); 3) народные, так называемые храмовые или бытовые. Народные праздники большей частью были связаны с местными обычаями и поверьями, но по числу менялись в зависимости от местности (120–140 дней в году, причем на время основных сельскохозяйственных работ приходилось до 74–77 праздников). Причем продолжительность праздника зависела от степени зажиточности семьи. Так, осенний праздник Покрова в урожайный год праздновался 5–6 дней, в год средней урожайности – 2–3 дня, в неурожайный год – 1 день. По обычаю каждый праздник сопровождался употреблением алкоголя, что снижало работоспособность на следующий день после праздника [2, с. 149]. Не случайно бытовала поговорка: «Воскресенье – свято, понедельник – черный» [5, с. 66]. Исключение составляли домашние работы, не имевшие производственного характера, а также коллективная работа в некоторые праздники в пользу бедных или пострадавших от пожара или других стихийных бедствий.

Традиция не работать в праздничные дни, которая своими корнями уходит в средневековье, освящалась не только обычаями, но и церковью, и законами Московского государства. Так, начиная с Соборного Уложения 1649 года, христианские праздники объявлялись нерабочими днями. В сознании человека работа в праздники ассоциировалась с грехом и нарушением закона. Крестьянская община следила за его выполнением и наказывала нарушителя чаще всего денежным штрафом. При сопротивлении крестьянина имели место случаи ломки инвентаря и инструментов, с помощью которых производились недозволенные в

праздничные дни работы. Власть поддерживала старост в этом произволе вплоть до кратковременного ареста строптивных [4, с. 95].

Каковы же причины обилия праздничных дней в тяжелейшем крестьянском труде? На наш взгляд, они лежат в господстве в России традиционного общества в лице сельской общины, для которого преобладание нерабочего времени над рабочим являлось характерной чертой. Жизнь сельской общины предполагала массу общих дел и обязанностей (до 1861 году решение в общине принималось на основе единогласия, а после – 2\3 голосов), а это требовало большой подготовительной работы. Для крестьян представляло большую ценность обсуждение общих проблем, всевозможных слухов, выработки общей линии поведения в отношении к помещику, соседней деревне, ведь весь тогдашний мир крестьян был ограничен жизнью его семьи, отношениями с соседями и родственниками, проблемами родной деревни [2, с. 118].

Не следует отбрасывать и такую причину как религиозность крестьян (религиозная ориентация в мировоззрении является также составной частью традиционного общества). В крестьянских верованиях сохранились и сплелись элементы язычества и христианства. Ярким примером могут служить празднование языческого праздника Ивана Купалы под прикрытием дня Иоанна Крестителя, дня св. Прокопия (против засухи), дня св. Харлампия (против чумы) и др. Наложение «древних» и «новых» праздников друг на друга приводило не только к увеличению их числа, но попаданию их под действие четвертой христианской заповеди, запрещавшей работать в праздники [4, с. 132].

Практическая смекалка крестьян находила свое выражение в использовании праздников для облегчения тягот повседневной жизни, ухода от каждодневной рутины. Так, некоторые виды сельскохозяйственных принимали вид праздника. Например, в сенокос надевали лучшие одежды, пели песни, водили хороводы. Воспетое трудолюбие русских крестьян являлось суровой необходимостью во время короткого лета и компенсировалось «отдыхом» в долгую зиму [1, с. 278]. «Он до смерти работает, до полусмерти пьет», как писал Н.А. Некрасов.

Увеличение числа праздников в начале XX века связано с демографическими процессами. В результате стремительного естественного прироста населения в деревне лишним стал каждый второй. Стремление оставить за собой право на общинную землю, трудности миграции из деревни приводили к увеличению нерабочих дней. Рост числа праздников служил средством против аграрного перенаселения. Чем меньше рабочих дней в году, тем больше крестьян могло быть задействовано в сельскохозяйственном производстве [3, с. 201].

Большое число праздников являлось следствием натурального характера крестьянского хозяйства, целью которого было получение не прибыли, а минимальных средств к существованию. Смысл жизни основная масса крестьян видела в скромной праведной жизни, которая могла обеспечить вечное спасение и добрую славу среди односельчан. Труд должен быть умеренным, ибо работа сверх меры сродни алчности и не может быть богоугодным делом. Не случайно народная мудрость гласила: «У Бога дней впереди много – наработаемся!» Праздник, а не каждодневный труд, считался богоугодным делом [6, с. 99].

В начале XX века даже местные провинциальные власти заговорили «о вредном влиянии на производительность земледельческого труда в России чрезмерного числа праздничных, нерабочих дней. В феврале 1903 г. было доведено до сведения крестьян «высочайшее соизволение» разрешить добровольные работы в праздники и запретить сельским властям и полиции «воспрещать обывателям добровольное исполнение работ» в эти дни. Сельским священникам предписывалось склонять прихожан к труду и отговаривать от празднований, «не установленных ни церковными, ни гражданскими узаконениями и не имеющих по большей части религиозно-нравственного значения» [6, с. 233]. Только лишь в первом десятилетии XX века стало утверждаться понятие о том, что трудиться можно в любое время [6, с. 235].

Сельская интеллигенция неоднократно отмечала пагубное воздействие на хозяйство православных крестьян обилия праздничных дней. Так, было подсчитано, что если бы в 1913 г. российские крестьяне имели не 140 дней выходных, а 68 как американские фермеры, то это дало бы производству дополнительно

около 4 млрд человеко-дней в год и увеличило бы баланс рабочего времени почти на 20%, что, несомненно, улучшило бы показатели хозяйственной деятельности [3, с. 277].

Хотелось бы особо подчеркнуть то, что крестьянская культура сохраняла старые обычаи не в силу своей рутинности, косности, а в силу инстинкта самосохранения. Новые начинания были чреваты риском потерять нажитое тяжелым трудом, разрушить веками проверенную систему производства и быта. Каждый недород отбрасывал шаткое благосостояние крестьянской семьи назад на несколько лет, если не навсегда. Труд был смыслом жизни и проклятием крестьян. Только большевистская политика «добровольно-принудительного труда» с использованием всего арсенала идеологического воздействия способствовала разрушению традиционной трудовой морали российского крестьянства и утверждению максималистского менталитета.

Список литературы

1. Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века / О.Г. Буховец. – М.: Мосгоархив, 1996. – с. 398.
2. Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907 – 1914 гг. / П.Н. Зырянов. – М.: Наука, 1992. – 256 с.
3. Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми: сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861 – 1914 / Я. Коцонис; пер. с англ. В. Макарова. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 320 с.
4. Левин И. Двоеверие и народная религия в истории России / И. Левин; пер. с англ. А.Л. Топоркова, З.Н. Исидоровой. – М.: Индрик, 2004. – 216 с.
5. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники: опыт историко-этнографического исследования / В.Я. Пропп. – СПб.: Терра – Азбука, 1995. – 176 с.
6. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX вв.) / О.А. Сухова. – М.: РОССПЭН, 2008. – 679 с.